

відіграли роль своєрідного каталізатора до подальших теоретико-літературних та публіцистичних виступів І. Нечуя-Левицького, І. Франка, С. Єфремова та інших.

Список використаної літератури

1. Історія української літературної критики та літературознавства. Хрестоматія. У трьох книгах. Книга друга: Навчальний посібник / Упоряд. П.М. Федченко. – К.: Либідь, 1998. – 352 с.
2. Забужко О. Notre Dame D'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. – К., Факт, 2007. – 640 с.
3. Шкандрій М. В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби / Пер. П.Таращук. – К.: Факт, 2004. – 496 с.
4. Попович М. В. Нарис історії культури України. – К.: АртЕк, 1998.
5. Б. Грінченко, М. Драгоманов Діалоги про українську національну справу / Б. Грінченко, М. Драгоманов [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.litopys.org.ua/drag/drag2.htm
Стаття надійшла до редакції 30 жовтня 2012 р.

М. Khoroshkov

M. DRAGOMANOV'S AND B. GRINCHENKO'S LITERARY AND CRITICAL IDEAS AS A MANIFESTATION OF ANTI-COLONIAL DISCOURSE OF UKRAINIAN CULTURE

This article is devoted to understanding the basic ideological and aesthetic concepts of M.Dragomanov's and B.Grinchenko's literary and critical views. The author makes an attempt to describe briefly the philosophical, ideological and aesthetic parameters of literary and critical discourse of the late XIX-th century, which is a peculiar system of views on the purpose of art expression, goals and objectives of literature, and as contrdiscourse to official imperial cultural discourse.

УДК 821.161.1-31»17»

О. В. Чубукина

РОМАН Ф. А. ЭМИНА «НЕПОСТОЯННАЯ ФОРТУНА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ МИРАМОНДА» И ЕВРОПЕЙСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ XVIII ВЕКА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

В статье предпринята попытка сравнительного тематико-мотивного анализа романа Ф. А. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» и романов Дж. Мараны и А. Прево в контексте установления содержательно-композиционных перекличек, свидетельствующих о наличии полемической составляющей в диалоге национальных европейских литератур в XVIII веке.

Ключевые слова: роман, мотив, национальная литература, утопия, классицизм, барокко.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что феномен русского романа XVIII столетия — один из наиболее востребованных предметов для литературоведческого исследования в последние десятилетия. Его изучали с точки зрения характерологии и внутрижанровой типологии [1], анализировали генезис образной системы [5; 6] и принадлежность к эстетическим системам [2; 3; 4]. Роман, возникший в отечественном литературном процессе XVIII столетия, несмотря на господство определенного набора кодов и знаков эпохи, внес в

картину літературного процесу отличний від нормативного кліше особистий, суб'єктивний елемент. Роман претендував на особу роль і значення в житті російського суспільства XVIII століття [7]. Во-перших, сформувалася досить стійка тенденція аналізу, в межах якої критерієм такої самобитності вважається близькість зображуваних реальностей (фабульний рівень творіння) сучасній письменнику дійсності. Саме такою думкою обумовлено, в частині, пріоритет творчості М. Чулкова по відношенню до романів Ф. Еміна. Іншими словами, як нам представляється, в історії літератури XVIII століття до сих пор залишається не до кінця подолимий підхід, орієнтований на спрощено зрозумілий реалізм як на верхній межу літературного процесу. Такий підхід представляється непродуктивним, крім іншого, тому що, ставлячи в центр уваги рух до т. н. реалізму, він пропускає з виду національне особливості естетичних представлень, в тому числі, і національну самобитність літературного розвитку, оскільки при подібному підході національна самобитність зводиться до, власне кажучи, зовнішньої по відношенню до літературі обстановки національного життя, рисам «національного характеру» і т. д. Естественная тенденція до наукового виявлення і опису власного потенціалу російської літератури в XVIII столітті виявилася, однак, не тільки в підвищеному уваженні до появи в творіннях перших російських оригінальних авторів фактів російської історії і рис російського життя. Во-вторых, наслідком, в сутності, тієї ж тенденції є інтертекстуальний аналіз, в ході якого встановлюються факти як прямого запозичення, так і опосередованого жанрово-стилістического впливу західноєвропейської, зокрема, літератури на творчість російських літераторів. Відповідно, в результаті таких досліджень стають більш чіткими межі самостійних естетичних пошуків в російській літературі XVIII століття. Принципово важливим, але проблематичним в плані практичного освоєння є аналіз, спрямований на розрізнення/розділення об'єктивних впливів і свідомого запозичення. Між тим, від точності такого розрізнення залежить, в значній мірі, репрезентативність і точність більш масштабних висновків. Таким чином, визначення самобитного національного змісту літератури здійснюється тільки в опосередкованих формах, відповідно, не отримуючи при цьому не тільки відповідного історико-літературного рішення, але і відповідної постановки. Одним з проектів, передбачуваних, в крайній мірі, збагачення емпіричного матеріалу для подальшого дослідження, може стати аналіз тих складових літературного руху, які можна представити як свідомо або підспудно *полемічні* по відношенню до спорідненим літературним впливам.

Для досягнення прийнятної ясності такого аналізу дуже важливо вибрати матеріал для нього. З нашої точки зору, саме такою матеріалом надає в наше розпорядження романистика Ф. А. Еміна. Творчість Федора Александровича Еміна до сих пор не було предметом всебічного монографічного дослідження. Аналіз наукової літератури свідчить про помітну еволюцію, якою підверглося ставлення до творчості Ф. Еміна в цілому і до його першого роману – в особливості. На початковому етапі вивчення першого російського оригінального роману домінувала установка на виявлення всіх нових і нових тематико-сюжетних переключень, вказуваних, за думкою дослідників, на більш або менш очевидну залежність автора роману «Мирамонде» від російської і зарубіжної літературної традиції. Серед можливих «джерел» включали в себе російські анонімні повісті, європейський лицарський роман, оди Ломоносова і навіть трагедії Расіна. Слід визнати, що багато з цих спостережень зберегли свою цінність по сей день. Однак цілісному осмисленню цих спостережень заважає той обставина, що

выстраиваемые на их основе «версии» поэтики Эмина вступают между собой в жесткий конфликт.

Такие коллизии обнаруживают глубинную проблематичность однозначной атрибуции тех или иных фабульных и мотивных компонентов романа Эмина в контексте возможных влияний. Практически любой эпизод из романа Эмина поддается интерпретации и как эффект рукописной традиции, и как рефлекс западноевропейского влияния. Проблема еще более усложняется учетом того обстоятельства, что русские рукописные повести в значительной степени вторичны по отношению к средневековому рыцарскому роману и, стало быть, опосредованно отражают более ранний этап становления западноевропейской литературы. Нам представляется, что обе описанные выше позиции представляют две крайности в подходе к осмыслению реальной системы ценностей, в пределах которой работали писатели XVIII века. Конкретная историко-литературная неудовлетворительность сложившейся ситуации состоит в том, что роман Эмина *изначально* помещается в неродственное окружение. Современная Ф. Эмину европейская литература, причем, литература подлинно массовая, знала и другой тип героя, и другой тип художественного обобщения. Мы полагаем, что творцы именно такой литературы стали предшественниками-оппонентами Ф. Эмина.

Цель данной статьи – аргументировать тезис об объективно значимой связи проблематики и поэтики романа Ф. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» с популярными в Европе того времени, но не переведенными на русский язык романами.

Автором одного из таких романов был, по нашему мнению, Джованни Паоло Марана, автор супербестселлера «Письма турецкого шпиона». Роман Дж. П. Мараны до сих пор не переведен на русский язык – как представляется, именно это обстоятельство не позволило русским ученым вскрыть очевидные корреляции между текстом Эмина и популярнейшей в Европе того времени литературной мистификацией. Соответственно, композиционные и тематические переклички романа Эмина и знаменитых «Писем турецкого шпиона» до сих пор не были проанализированы в отечественной научной литературе. Поскольку роман Мараны, как уже было отмечено, не переведен на русский язык, в данном разделе мы полагаем уместным привести полный текст одного из писем на языке оригинала с нашим переводом. В письме описывается история, разительно напоминающая историю Мирамонда. А имя ее главного героя, Мираммуд – говорит само за себя: «Thou mayest report it to the Divan for a certainty, that *Miramud*, the son of the Xeriph at Sallee, is taken prisoner by the French. That bold youth has long roved the seas uncontroled; has done many injuries to tye Christians, and filled Sallee with slaves: now he himself is became a captive. Such is the fortune of war by sea and land; today triumphant and victirious, to-morrow vanguished and in chains. Yet he lost not his honour with his liberty, having bravely defended his vessel and strewed the decks with (f) laughtered; till, overpowered with numbers, he was compelled to yield. His enemies extol his courage, and the greatness of his mind, which would not sink under the pressure of this misfortune. He seemed to have of command to himself (which is the most glorious victory) and suffered not his free-born soul to be let captive by his passions; but behaved himself with such an even temper as placed him above the pity of his enemies and rather made him to subject of their emulation. He is brought to the court, where he is entertained as a guest, rather than a prisoner : Being unvited to their banquets, masks, plays and divertions. Neither is he debarred the privileged of hunting, which might give him the fairest opportunity to escape. But he is ignorant of the language of this country; and few of the French understand Morisco. So that it is almost impossible for him to make a party, or consult his flight, unless the King's interpreter should assist him. Besides, the French have a

higher opinion of this generosity, than no apprehend such ungrateful return of the royal usage he finds in this court» [8, pp. 205-206].

(«... Мираммуд, сын Ксерифа из Салли, взят в плен французами. Этот отважный юноша долгое время беспрепятственно бродяжничал по морям, причиняя множество неприятностей христианам, и наполняя Салли рабами. Теперь он сам пленник. Такова фортуна военного: сегодня ты триумфатор, а завтра гремишь цепями. Однако он не отдал чести вместе со свободой: мужественно защищался и сдался лишь превосходящему числом неприятелю. Его враги высоко оценили его мужество и разум, ничуть не подавленные превратностью судьбы. Он совершенно владеет собой (что является величайшей из побед) и его свободнорожденная душа не поддавалась натиску страстей. Его характер позволил ему подняться над жалостью врагов и добиться от них подлинного уважения. Он представлен ко двору скорее как гость, нежели как пленник. Он даже удостоен привилегии участвовать в охоте, что предоставляет прекрасную возможность бежать. Но он не знает языка, и мало кто из французов понимает морисков. Так что ему очень трудно найти компаньона в этом мероприятии, разве что королевский переводчик возьмется споспешествовать ему. Кроме того, французы столь высокого мнения о его благородстве, что побег стал бы выражением черной неблагодарности» (пер. наш – О. Ч.).

Переключка имен персонажей не подкрепляется очевидным сходством их характеров. Мираммуд, оказавшись во враждебной среде, завоевывает, насколько можно судить по письму, посвященному его судьбе, положение и авторитет исключительно благодаря собственным достоинствам. Также и Мирамонд сохраняет присутствие духа в стане врагов и окружается почетом и доверием. Книга Мараны могла попасть на глаза Эмину в Европе с высочайшей степенью вероятности.

Стиль и композиция романа Мараны, а особенно его тематическое разнообразие и, так сказать, всеядность, практически, предвосхищают многие и многие пассажи «Непостоянной Фортуны...». Махмут, главный персонаж «Писем...», щедро делится с читателями как своими соображениями о важных политических событиях его времени, так и наблюдениями нравов и обычаев стран и народов. Уже только обилие таких переключек, кстати говоря, совершенно несвойственных ни русской повести XVII века, ни, тем более, волшебного-авантюрного роману, заставляет усомниться в основательности устоявшейся традиции искать истоки романа Эмина в этих произведениях. Серьезный повод для соотнесения романа Эмина с шедеврами массовой западной литературы находим в не менее прославленном, чем «Письма турецкого шпиона...» произведении: бестселлере восемнадцатого века был роман А. Прево: «Английский философ, или История г-на Кливленда, побочного сына Кромвеля, написанная им самим и переведенная с английского автором....».

Повествование в романе Прево ведётся от первого лица в форме мемуаров. Кливленд — побочный сын Оливера Кромвеля. Гонимый жестоким отцом, он проводит детство и юность в пещере в Девоншире, на берегу моря. Затем судьба забрасывает его во Францию, а потом, вслед за любимой Фанни он плывёт в Новый Свет. Герой претерпевает много необыкновенных приключений: скитается в джунглях Северной Америки, тонет при кораблекрушении, едва не становится жертвой воинственных каннибалов, занимается просветительской деятельностью среди миролюбивых индейцев, испытывает предательство друзей, теряет дочь и жену, чтобы впоследствии обрести их вновь.

Даже такая поверхностная характеристика позволяет разглядеть в приключениях героя Прево несомненное сходство с приключениями Мирамонда. Однако, нас в данном случае интересует то обстоятельство, внимание к которому дает основания четко отграничить поэтику «Кливленда» от массы беллетристических опытов в этом

роде. Мы имеем в виду XIV книгу романа, где повествуется об индейском племени — нопандах, сумевших сохранить в своем идеальном государстве ту добродетель, которую давно утратило цивилизованное европейское общество, пораженное алчностью и эгоизмом; но нопанды вынуждены избегать других людей, отгородившись от мира высокой стеной. Особенно характерно, что аббат Прево обладал глубочайшими знаниями в области этнологии и географии и вовсе не ставил себе задачей обескуражить читателей полетом фантазии. Прево сочетает в своей прозе реальное и глубокое знание географии и этнологии с заведомо утопическими «сведениями». Наша гипотеза состоит в том, что одним из ближайших источников для Эмина послужил именно этот роман Прево. Не преувеличивая значимости этого предположения, отметим, что оно выводит нас к вопросу о глубинном мировоззренческом сродстве французского и русского писателей, проявившемся, помимо прочего, и в характерной географической и этнологической фантастике.

Переходим к обобщению наблюдений, полученных при сравнении романной поэтики Ф. Эмина, нашедших воплощение в его первом оригинальном романе, и романов Дж. Мараны «Письма турецкого шпиона» и А. Прево «Английский философ». Принципиальным компонентом любого литературного произведения является его завершение. Именно в этом пункте эстетическая программа Эмина, коль скоро она была реализована им, скорее всего, неосознанно в его первом романе, существенно отличается как от поэтики «Писем турецкого шпиона» Мараны, так и от «Английского философа» Прево.

Очевидное внешнее сходство фабульных обстоятельств, внешне же свидетельствующее о несомненной эстетической симпатии Эмина к этим авторам, не представляет, как нам кажется, такого интереса, как *мировоззренческая* симпатия, сближающая, как нам представляется, Марану, Прево и Эмина. Основание для такого соображения мы, тем не менее, видим в фабульных обстоятельствах, сопровождающих развитие взаимоотношений героя и среды. Как мы отметили ранее, ярким отличием и романа Прево, и первого романа Эмина является сочетание несомненной географической и этнологической эрудиции и столь же очевидной установки на утопический хронотоп. Однако воплощения этого хронотопа в романах Прево и Эмина различаются радикально: в романе Прево это неизвестное науке племя индейцев, в романе Эмина – аллегорический «портрет» идеального общества, за образами которого легко угадывались совершенно конкретные исторические персонажи во главе с Екатериной Великой. Племя нопандов в романе Прево отгорожено от остального человечества высокой стеной, реальные исторические лица в романе Эмина «отгорожены» от читателя прозрачными аллегорическими образами. Как и в случае с направлением развития религиозного сознания [4], прямо противоположным у героев Эмина и Мараны, мы видим в финалах романов Прево и Эмина принципиальное различие мировоззренческих перспектив.

Нам представляется, что именно эти различия свидетельствуют, во-первых, в пользу глубинной основательности соотнесения мотивики и тематики романа о Мирамонде этими произведениями европейской беллетристики, и, во-вторых, проясняют содержание этой соотнесенности. Фабулы всех трех произведений представляют собой истории жизни людей, волею обстоятельств оказавшихся в исключительных, пограничных ситуациях. Развитие событий заключается в их знакомстве с нравами людей и историей стран, куда их забрасывает случай. Результатом-разрешением их приключений-странствий оказывается некий интеллектуально-этический посыл-вывод из пережитого. Во всех трех случаях мы имеем дело с религиозным обращением, в случаях Прево и Эмина, кроме этого, с финальной утопией.

Как нам представляется, мировоззренческой схемой, лежащей в основе такого строения фабулы, является *формирование утопического проекта действительности, коррелирующее (соотносящееся) с постепенным нравственным становлением героя*. При этом важно подчеркнуть производность (вторичность) формирования идеального проекта действительности по отношению к обретаемому в превратностях судьбы опыту нравственного самостоятельного героя. Коренное различие вариантов этой схемы в романах, в частности, Прево и Эмина обусловлено различием характера *скепсиса*, вырабатывающегося у главных героев. У западных авторов – особенно это видно в плутовских романах — этот скепсис оформляется как социальная сатира, обращенная вовне и постольку, как у Прево, противопоставляющая несовершенному обществу собственный идеальный проект. У Эмина естественный жизненный скепсис оформляется как импульс к самопреображению, самоусовершенствованию. Отсюда следует очень важный во многих отношениях вывод относительно утопического финала романа Эмина. Роман Эмина завершается государственной идиллией не из верноподданнических соображений и не по причине бессознательного следования риторической традиции, а потому, что сосредоточенный на собственном несовершенстве субъект *как бы лишается ресурса критического отношения к действительности*. Аллегорический покров свидетельствует о совершенстве и справедливости мироустройства здесь и сейчас, только скрытого от увлеченного критикой (сатирой) взгляда. Легко видеть, что такая мировоззренческая установка едва ли не радикально оппонирует западноевропейским ценностям. И тот факт, что Феридат в романе Эмина принимает христианство, а Махмут из «Писем ... шпиона» становится из католика деистом, придает нашему выводу дополнительный вес. Романное высказывание Эмина довлеет сразу двум полюсам, один из которых – содержание субъективной рефлексии, ее направленность, а другой – образ действительности, непосредственно созидаемый в значительной мере этой рефлексией.

Глобальный социально-этический мотив романа «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» в частности – мотив самоиспытания.

Таким образом, мы приходим к *выводу*, что Эмин при создании своего первого романа ориентировался на те произведения европейских, прежде всего, предшественников, которые, будучи иногда совершенно неизвестными русской публике (как «Письма турецкого шпиона» Мараны), уже доказали свою коммерческую состоятельность. Именно это могло послужить первичным импульсом для эрудита и полиглота Эмина для обращения именно к этим произведениям как образцам для подражания. Они, кроме того, представляли для Эмина интерес в силу своей интеллектуально-нравственной мотивированности (это относится и к роману Мараны, и, в первую очередь, к роману Прево). Наиболее интересным обстоятельством в этом контексте является то, что и в этом случае Эмин вступает в полемику с «оппонентами», никому, по-видимому, в России того времени толком и неизвестными. На этот раз, в отличие от скрытой полемики с Вольтером, противопоставление социальных концепций носит, скорее, этико-эстетический характер. Помещение предмета нашего анализа в родственную историко-литературную перспективу интересно и продуктивно не только потому, что позволяет увидеть абсолютно бесспорные случаи едва ли не прямого заимствования, что само по себе, безусловно, представляет научный интерес. Более того, эти заимствования интересны лишь постольку, поскольку дают возможность концептуального соотнесения произведений различных традиций. Очень важно, с точки зрения историка русской литературы, то, что такая операция позволяет увидеть довольно отчетливые и существенные отличия поэтики становящегося русского романа по отношению к роману западноевропейскому. Проведенное исследование позволяет предположить, что автор романа «Непостоянная Фортуна»

эстетически и идеологически оппонирует как сюжетике и проблематике «петровских повестей», так и галантной героике псевдо-рыцарского романа. Тематические и фабульные переключки, служившие ранним исследователям доказательствами чрезмерной восприимчивости Ф. Эмина к чужим эстетическим установкам, при смене аналитической перспективы могут стать свидетельствами сознательного преодоления этих установок. При этом мы имеем в виду не только совокупность философских сентенций, вкладываемых автором в уста и героев, и повествователя.

Обобщение характерных черт прозы Эмина, как они обнаруживаются в его первом романе, приводит к выводу, согласно которому литературные пристрастия Ф. Эмина тяготеют к барочному мироощущению. Считаем важным подчеркнуть, что Ф. Эмин не просто воспринял отзвук охватившего Европу барокко, он своеобразно ответил на этот «вызов». Кризисному мироощущению барокко первый русский романист противопоставил интуицию человеческого самостоянья, помогающую сохранить достоинство перед лицом любого каприза «Фортуны». Герой Эмина не вписывается в рамки социума, «отказывается» быть типическим представителем – мы полагаем, не будет сильной натяжкой увидеть в этом залог будущих *собственных* тем русской литературы, «взятых в работу», прежде всего, Толстым и Достоевским.

Крупнейшему жанровому явлению литературного барокко – *роману испытания*, русская литература «ответила» в лице чужестранца Ф. Эмина *романом самоиспытания*.

Если о героях предшествовавшей литературы можно говорить как о героях-функциях, производных от того или иного социально-исторического или психологического контекста, функциях, как правило, вписывающихся в тот или иной сценарий с предрешенным исходом, то герой Эмина резко отличается от своих «предшественников» тем, что занимает как бы пограничное положение. Герой Эмина – Мирамонд, Феридат, Принц Комбайский, Зюмбюля, Ангелика – значимо отрешен от фабульного, событийного материала романа. Многие важные с точки зрения развития сюжета события герой Эмина переживает *внутренне*, наделяя эти события смыслом в ходе иногда изошренного *самоанализа*. В работе такого самоанализа герой Эмина подвергает сомнению такие, казалось бы, устойчивые этические ценности, как любовь, добродетель. Очевидный интерес представляют для автора психологические коллизии, которые возникают как бы в пределах действительности одного и того же внешнего императива: чувства долга (Ангелика), любви (Мирамонд), государственной ответственности (принц Комбайский).

Внешние события служат для героев Эмина лишь поводом для внутреннего *самоиспытания*. Именно поиск внутренней точки опоры героем является определяющим мотивом как развития действия в романе, так и его завершения. В первом романе Ф. Эмина прослеживаются эффекты глобального конфликта, стимулировавшего развитие русской литературы XVIII века. Имеется в виду конфликт между риторической установкой на произнесение, значимо определявшей не только формальные, но и содержательные компоненты художественного высказывания, и романной установкой на принципиально иной тип общения между автором и читателем. В прозе Эмина этот конфликт получил своеобразное отражение во «внутренних» монологах, иными словами – в репликах, принципиально не подразумевающих реального адресата. Такие реплики не содержат, как правило, ни значимой для развития действия информации, «скрываемой» говорящим от других персонажей, ни объяснения мотивов тех или иных поступков персонажа, эмоционально восполняющего внешние причины этих поступков. С нашей точки зрения, основная функция таких реплик – неосознанное «сопротивление» автора романного высказывания риторической установке на подразумеваемое произнесение. Таким образом, и на уровне организации повествования мы встречаем следы становления

самоиспытующего романного сознания, с первых шагов отмеченного национальным своеобразием.

Обнаруженные тематические и сюжетные переключки между первым романом Эмина и популярными произведениями европейской беллетристики позволяют сделать вывод о безусловной неслучайности этого обстоятельства. Однако это не означает появления новой версии относительно «источника», послужившего Эмину примером для слепого следования/подражания. При всей убедительности предположения о том, что внешние, биографические обстоятельства жизни писателя подтверждают логичность его самоотождествления с фигурой «шпиона», имеющей многие преимущества с эстетической точки зрения, важно видеть серьезное отличие авторской позиции Эмина от позиции, например, Прево. Это отличие обнаруживается в сравнении финалов романа Прево и Эмина.

Если непосредственным поводом для такого сопоставления послужили сюжетные и тематические переключки, в неслучайности которых сомневаться не приходится, то еще более значимым критерием сопоставления мы считаем соотнесенность глубинных мировоззренческих «схем», определяющих характер и содержание таких значимых компонентов повествования, как концепция героя и завершение художественного целого. Анализ показывает, что именно в этих моментах эстетическая интуиция Ф. Эмина существенно отличается от соответствующих установок европейских беллетристов. В частности, чрезвычайно важная для сознания Просвещения идея идеального устройства мира и, соответственно, программ его переделки, культ наивного сознания и т. п. в финале романа Эмина модифицируется в аллгорию осуществленной утопии – Российской империи под водительством Екатерины Великой. Такое завершение сюжета органично соотносится с концепцией нравственно незавершенного героя, героя, особо чуткого к неиспользованным внутренним ресурсам личности, а не к недостаткам внешнего социального устройства.

Нравственная незавершенность человека – ключевой концепт Эмина в отношении его героев – не позволяет ему ни занять отчетливо сатирическую позицию по отношению к действительности, ни вообразить идеальную страну-утопию, что было бы, в сущности, следствием неудовлетворенности существующим порядком вещей. Здесь мы считаем важным подчеркнуть именно этико-эстетический смысл финала романа, иногда сводимый к желанию писателя убажить своих покровителей и т. д. Именно самоиспытание становится тем этическим ориентиром, преимущества которого раскрываются перед читателем в результате прочтения романа.

Таким образом, историко-литературное значение первого русского романа «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» мы видим в том, что в нем впервые прозвучал мотив нравственного «самостоянья» (Пушкин) человека, ставший одним из основных мотивов русского романа в XIX веке.

Список использованной литературы

1. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке / А. С. Демин. – М., 1977. – 296 с.
2. Павлович С. Э. Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века / С. Э. Павлович. – Саратов, 1974. – 225 с.
3. Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М., 1982. – 392 с.
4. Русский классицизм второй половины XVIII века – начала XIX века. – М., 1994. – 336 с.
5. Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия, драма, сатира / И. З. Серман. – Л., 1973. – 284 с.
6. Серман И. З. Становление и развитие романа в русской литературе

середины XVIII века / И. З. Серман // Из истории литературных отношений XVIII - XX веков. – М.:Л., 1959. – С. 82-95.

7. Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В. И. Федоров. – М., 1979. – 156 с.
8. Marana J. Letters writ by a Turkish spy, who lived five and forty years undiscovered At Paris: giving an impartial account to the Divan at Constantinople, of the most remarkable transactions of Europe: and discovering several intrigues and secrets of the Christian courts (especially of that of France) / J. Marana [Continued from the year 1637, to the year 1682. Written originally in Arabick, translated into Italian, from thence into English, and now published with a large historical preface and index to illustrate the whole. – 26 ed.]. – V. VI. – London, 1770.

Стаття надійшла до редакції 10 листопада 2012 р.

О. В. Чубукіна

РОМАН Ф. ЕМІНА «МІНЛИВА ФОРТУНА, ЧИ ПРИГОДА МІРАМОНДА» І ЄВРОПЕЙСЬКІ БЕСТСЕЛЕРИ XVIII СТ.

У статті здійснено спробу порівняльного тематико-мотивного аналізу роману Ф. А. Еміна «Мінлива Фортуна, чи Пригода Мірамонда» і романів Дж. Марани і А. Прево в контексті встановлення змістовно-композиційних перекличок, що свідчать про наявність полемічної складової в діалозі європейських національних літератур в XVIII столітті.

О. Chubukina

NOVEL BY F. EMIN «FORTUNE INCONSTANT, OR THE PEREGRINATIONS OF MIRAMOND» AND EUROPEAN BESTSELLERS OF XVIII A.

The article undertakes a comparative motive analysis of F. A. Emin's novel «Fortune Inconstant, or the Peregrinations of Miramond» and the novels of Dzh. Marana and A. Prevost in the context of establishing content correspondences, which indicate the presence of a polemical component in the dialogue among national European literatures in the XVIII century.

УДК 821.161.1

И. Е. Шишкина

**РУССКИЙ РОМАН-ФЕЛЬЕТОН В 60-Х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ:
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУЩОБЫ» В. В. КРЕСТОВСКОГО**

В статье рассматривается произведение В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» как роман-фельетон. Автор приходит к выводу, что «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского несут в себе признаки романа-фельетона, ориентированного на вкусы массового читателя, и сочетающего в себе два начала – «высокое», поднимающее серьезную и глубокую философскую проблематику, и «развлекательное», имеющее целью привлечь читателя к этой проблематике, сделать ее более понятной и доступной.

Ключевые слова: В. В. Крестовский, «Петербургские трущобы», массовая литература, роман-фельетон.

Жанр романа-фельетона зародился во Франции в 30-годы XIX века вместе с возникновением периодических изданий и пользовался огромной популярностью на